

УДК 94 (571.54)
ББК 63.3(2Рос.Бур)

А.М. ПЛЕХАНОВА

МОДЕРНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНЕСФЕРЫ В 1920-е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ Г. ВЕРХНЕУДИНСКА)

Проанализированы изменения в социокультурной среде, в повседневной жизни, в досуговых практиках жителей Верхнеудинска — уездного центра далекой окраины царской империи, ставшего в мае 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР. Сделан вывод об одновременном сосуществовании на протяжении 1920-х гг. традиций и новаций в городской жизни, несмотря на решительную ломку привычного образа жизни и модернизацию городского пространства.

Ключевые слова: Верхнеудинск, социокультурная модернизация, повседневность, традиционность, образ жизни, быт, досуг.

A.M. PLEKHANOVA

MODERNIZATION OF URBAN LIFE SPHERE IN THE 1920s (A CASE STUDY OF VERKHNEUDINSK)

The article analyzes changes in the sociocultural sphere, everyday life and leisure practices of dwellers of Verkhneudinsk — a district center of a remote outskirts of the Russian Empire that in May 1923 became the capital of the Buryat-Mongolian ASSR. The author comes to the conclusion that in the course of the 1920s traditions and innovations co-existed in the urban life sphere of Verkhneudinsk despite a decisive dismantling of the habitual lifestyle of townsfolk and modernization of urban space.

Keywords: Verkhneudinsk, sociocultural modernization, traditionalism, lifestyle, everyday life, leisure.

Посвящается 350-летию Верхнеудинска

20-е гг. XX столетия — один из самых противоречивых периодов, который характеризуется одновременным сосуществованием «старых» традиций в будничном бытовом поведении, образе жизни, нормах и представлениях различных социальных групп с нарождавшимся новым в политике, экономике, культуре. На примере Верхнеудинска — уездного центра далекой окраины царской империи, удаленного от «столичного стандарта жизни», но ставшего в мае 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР, можно проследить трансформацию городской жизни, претерпевшей в рассматриваемый период значительные изменения.

К моменту образования республики в Верхнеудинске была сосредоточена основная масса городского населения — 21 635 человек

(65,4 %). Крайняя малочисленность горожан, как и собственно городских форм расселения в регионе, была обусловлена недостаточным развитием градообразующих отраслей экономики и преобладанием аграрного производства. Несмотря на то, что с приходом к власти большевиков образ нового социалистического общества связывался с урбанистическими ценностями, в области градостроительства, коммунального хозяйства городов БМАССР наблюдалось отставание во всех отраслях. Доля городского населения была незначительна, составляя в 1923 г. — 7,4 %, в 1926 г. — 9,3.

Тем не менее, превращение Верхнеудинска в столицу республики способствовало изменению внешнего облика города. Формирование нового политического пространства способствовало трансформации городского социального и культурного ландшафта. Начался процесс его «активного маркирования» [1, с. 191]. С уличных указателей стали исчезать имена крупнейших верхнеудинских предпринимателей и домовладельцев Голдобина, Кобылкина... В июне 1924 г. 36 городских улиц получили новые названия, отражавшие революционные преобразования в стране, увековечивавшие память участников революции и гражданской войны. Так, улица Большая Николаевская стала Ленинской, Набережная — им. Смолина, Лосевская — Юного Коммунара, Базарная — Коммунальной, Троицкая — Милицейской, Голдобинская — Трудовой, Кобылкинская — им. Серова и т.д.

Композиционным центром планировки города в 1920-е гг. оставалась Гостинодворская площадь, переименованная в площадь Революции. Площадь жила новой советской жизнью, а ее внешний облик — застройка и благоустройство — оставался прежним. Была лишь снесена часовня и посажены тополя по периметру площади.

Поскольку в дореволюционном Верхнеудинске не было крупных административных зданий, значительные трудности представляло размещение в городе республиканских учреждений и организаций. В первые годы республики БурЦИК и Совнарком БМАССР размещались в бывшем доме Курбатова, а в 1925 г. на западной стороне Нагорной площади был возведен длинный одноэтажный корпус для размещения административных учреждений. В 1927 г. на Нагорной площади состоялась торжественная церемония закладки здания Дома Советов. С его строительством связывалось перемещение на новую площадь главного общественного центра столицы. Дом Советов стал первым зримым элементом нового Верхнеудинска, предвестником градостроительного обновления [9, с. 97].

В целом центральная часть города находилась в более менее исправном состоянии. Там стояло несколько одно- и двухэтажных каменных зданий, построенных купцами, и 5 трехэтажных, имелось кerosиновое освещение, деревянные тротуары. Основную же массу

Верхнеудинска строений составляли деревянные (95,9 %) одноэтажные (95,1 %) дома [7, с. 42].

Постановлениями Президиума исполкома горсовета учреждения, домовладельцы, арендаторы были обязаны сажать деревья в центральной части города, устраивать отхожие места, помойные ямы, ящики для мусора в своих усадьбах за свой счет. Поскольку ночью Верхнеудинск, за исключением нескольких кварталов на главной улице в центре, погружался во мрак [9, с. 101], горожане совместно с коммунальным отделом должны были ввести наружное освещение своих домовладений. Кроме того, стал проводиться частичный ремонт зданий, расширение электросети. К концу 1920-х гг. было начато сооружение городской электростанции на 2350 кВт и новой бани [12, с. 92]. В 1926 г. началось мощение ул. Ленина.

В городе действовали учреждения здравоохранения, образования и культуры: железнодорожная и городская гражданская больницы, лазарет Красного Креста, реорганизованный в областную больницу, Дом матери и ребенка, женские консультации, детская профилактическая амбулатория, туберкулезный и венерологический диспансеры, кабинеты зубоветеринарной помощи; восемь школ I ступени, пять неполных средних, две школы II ступени, в которых обучение вели 207 преподавателей 4944 ученикам; русский и бурятский педагогические техникумы; Бурятский ученый комитет (Буручком), Верхнеудинский краевой музей [2, с. 444–489].

Вместе с тем, городское пространство Верхнеудинска продолжало отличаться особой традиционностью. В городе не было противопожарных сооружений, водопровода, он практически был лишен урбанистических форм — мостовых и тротуаров, садов и скверов, имеющиеся же немногочисленные зеленые насаждения летом регулярно объедал скот, а зимой распиливали на дрова. В городе не было канализации, вследствие чего более половины нечистот из города не удалялось. Берега Селенги и Уды не были укреплены, и практически каждый год город подвергался наводнениям, причем страдали не только жители приречных частей города, но и в целом санитарное состояние всего города [9, с. 100–103].

Наркомздрав республики отмечал: «В санитарной характеристике г. Верхнеудинска нужно отметить затянувшийся жилищный кризис и коммунальную неустроенность. Норма жилой площади — 3,7 м². Нет ассенизационного обоза, и хотя бы примитивной канализации, вследствие чего более половины нечистот из города не удаляется ...» [6, д. 90, л. 36]. Основная масса населения потребляла питьевую воду из рек, не подвергая ее никакой очистке. В 1926 г. во всем городе было лишь три общественных колодца. В результате в городе были распространены различные инфекционные заболевания, особенно среди детей: в 1928 г. в городе было зарегистрировано 12,5 тыс. случаев, в 1929 г. — 13,1 [6, д. 1, л. 679].

Жилищный кризис в городе усугублялся по мере увеличения городского населения. Так, если за три года — с 1923 по 1926 г. — население

Верхнеудинска увеличилось на 34 % (с 21 635 до 28 918 человек), то жилая площадь за этот же период возросла со 121 270 до 151 057 м², т. е. увеличилась на 24 % [2, с. 475]. Наиболее рельефно глубину жилищного кризиса демонстрируют следующие данные: в 1926 г. лишь 53,5 % городского населения имело отдельный дом, квартиру или несколько комнат, все остальное население занимало или одну комнату или часть ее; всего 33,4 % городских семей имели в своем распоряжении отдельную кухню, 38,4 % — пользовались кухней совместно с другими жильцами [7, с. 48–49].

Комфортность жилья составляли незначительные удобства в виде электрического освещения и водопровода, выпадавшие на долю немногих жильцов. Если в 1923 г. электричество имелось только в 32,1 % квартир, то в 1926 г. — в 40,8 [16, с. 74]. В 1926 г. лишь 54 строения, преимущественно занятые государственными учреждениями и предприятиями, были присоединены к водопроводу [7, с. 41]. Основная масса городского населения жила в домах без достаточного освещения, с тяжелым воздухом, часто расположенных в подвальных помещениях.

Подавляющая часть жителей Верхнеудинска питалась дома, расходы на питание вне дома составляли всего 1 р. 32 к. в месяц (1,9 %) [4, д. 28, л. 59]. Услугами открывшихся в начале 1920-х гг. частных ресторанов, кафе, трактиров, закусочных пользовалась только незначительная часть наиболее состоятельных горожан.

Расходы на питание доминировали над всеми остальными статьями, составляя в среднем на протяжении 1920-х гг. от 46,7 до 49,9 % семейного бюджета в семьях рабочих и от 46,5 до 53,3 % в семьях служащих [3, д. 15, л. 160; д. 28, л. 9]. Уровень питания находился в прямой зависимости от материального обеспечения городских семей.

Основной пищей горожан были хлебные продукты. После хлеба в втором месте стоял картофель. Из овощей, помимо картофеля, были распространены капуста и лук. Потребление круп было минимальным. Незначительную долю в питании составляла и рыба. В обед в городских семьях обычно ели щи или другой суп, кашу, картофель или лапшу, а на ужин разогревали остатки. На завтрак пили чай с хлебом. Мясо в щих или супе бывало почти каждый день, а молока потребляли мало и редко. Оно составляло не более 1/3 стакана в день на взрослого горожанина. Остальные молочные продукты, такие как творог и сметана, были практически роскошью. Сливочное масло обычно заменялось постным.

В среднем горожанин в середине 1920-х гг. мог позволить себе в день 341 грамм изделий из ржаной муки, 144 грамма — из пшеничной, 252 грамма картофеля, 139 грамм говядины, 8 грамм баранины или свинины [3, д. 15, л. 37]. Энергетическая ценность пищи составляла 3 200 калорий, что соответствовало уровню физиологического минимума. Вместе с тем в химическом составе пищи наблюдались диспро-

порции. Это было связано с преобладанием в рационе горожан пищи, богатой углеводами и белками, прежде всего мучных и зерновых продуктов. По данным бюджетного обследования рабочих Верхнеудинска, проведенного в 1926 г., суточное потребление белков составляло 129,3 грамма (129,3 % от нормы), жиров — 45,4 грамма (65 %), углеводов — 536 граммов (107 %) [10, с. 14–23].

Второй по значению расходной строкой семейного бюджета городских трудящихся было приобретение одежды, белья и обуви (в среднем 18 % семейного бюджета). Однако абсолютные показатели этого вида расходов были незначительны, составляя в семьях рабочих — 10 р. 65 к., служащих — 13 р. 41 к. [3, д. 28, л. 9]. Рабочие и представители иных городских слоев со скромным бюджетом имели скудный гардероб, одеваясь однообразно.

В рассматриваемый период большинство верхнеудинцев не могло в полной мере реализовать свою потребность в одежде. Расходы на одежду и обувь рабочие и служащие урезали как могли. Мужчины зачастую вместо пальто носили «курмушки», а женщины — пальто из сукна или плюша и платок. Так как в магазинах одежда и обувь стоили дорого (теплая верхняя одежда — 15–30 р.), горожане часто приобретали одежду на «барахолке», где предлагались как поношенные, так и новые вещи, заказывали обновку портнихе, шили самостоятельно либо получали одежду через систему государственного распределения. Приехавшие из улусов буряты донашивали бурятские национальные шапки и дэгэлы.

Стиль одежды интеллигенции соответствовал дореволюционным образцам. Однако начавшаяся борьба с «буржуазной» культурой, затронула вопрос о внешнем виде советского человека. Уже со второй половины 1920-х гг. ношение красивой яркой одежды, украшений, употребление косметики могли послужить основанием для обвинения в «буржуазности» и исключения из комсомола.

Первое время не выходили за рамки традиционных досуговые практики верхнеудинцев. Обследование бюджета времени рабочих Верхнеудинска в 1924 г. однозначно выявило, что на первом месте в рабочей среде находились такие формы досуга, как гуляния, игра на музыкальных инструментах (гармони, балалайке), прием гостей, походы в гости. Однако в этот период городской досуг приобретал все больше публичности. Домашние (семейные и индивидуальные) формы его проведения активно вытеснялись общественными, формировались новые самостоятельные советские праздничные традиции. Политически ориентированная рабочая молодежь, учащиеся и служащие с большим энтузиазмом воспринимали появившиеся в календаре революционные и советские праздники: Память 9 января, День низвержения самодержавия (12 марта), День Парижской коммуны (18 марта), День Интернационала (1 мая), День пролетарской революции (7 ноября) с ярко выраженной идеоло-

гической направленностью и интегративной функцией, оказывавшие сильнейшее социально-психологическое воздействие, обязательный церемониал которых включал демонстрации, митинги, парады, шествия и т.д. Центральным местом праздничных торжеств были площади, улицы, места захоронения погибших революционеров. Широкая пропаганда, красочность и зрелищность мероприятий способствовали их массовости.

Важную роль в деле организации внерабочего времени играли клубы, которые были призваны заниматься и политическим воспитанием горожан. В 1927 г. в Верхнеудинске было 8 народных домов и клубов, в 1929 г. — 12 [10, с. 238]. Особенностью клубной работы в городе, как и во всей республике, было создание домов бурятки, занимавшихся политико-просветительной работой среди женщин, работой по охране материнства и младенчества, здоровья детей. Дом бурятки г. Верхнеудинск, при котором были организованы кружки домоводства: кройки и шитья, стирки, выпечки, ликвидации неграмотности, каждые шесть месяцев производил выпуск по 20 курсанток. Работа с женщинами была тесным образом переплетена с вопросом по переустройству быта кочевых народов, переводом их на оседлый образ жизни. Женщин обучали ведению домашнего хозяйства в стационарных условиях. Основной формой этой работы были делегатские собрания женщин, где они слушали лекции на различные темы, например о гигиене, о вреде раннего замужества.

Значительная роль в деле воспитания человека советского типа отводилась таким формам досуга, как чтение, кино и театр. Для чтения книг и журналов большинство горожан (за исключением состоятельных), отправлялись в библиотеки (в 1927 г. в Верхнеудинске функционировали 14 библиотек [4, л. 11]) и избы-читальни, газеты выписывались на дом. Для приобщения населения к активному строительству нового общества ежегодно увеличивались тиражи периодических изданий, пополнялся их перечень. Наиболее тиражируемыми в республике местными газетами были «Бурят-Монгольская правда», «Бурят-Монголой Унэн», «Скотовод и пахарь», «Ленинэй ашанар» («Внучата Ленина»), «Уран угын шэмэг» («Букет художественного слова»), журнал «Жизнь Бурятии». Кроме того, среди горожан распространялись центральные печатные издания — «Правда», «Известия», а также органы Сибирского крайкома ВКП(б) — «Советская Сибирь» и «Сельская правда». В городе в 1929 г. открылась небольшая радиостанция, проводившая ежедневные политико-воспитательные и культурно-просветительные передачи на русском и бурятском языках.

Привычной нормой досуга в повседневной жизни большинства горожан становился просмотр кинокартин и спектаклей. Кинематограф, становившийся любимым культурным развлечением верхнеудинцев, оказывал колоссальное влияние на сознание массового зрителя. В 1924–1925 гг. в Верхнеудинске работало 7 кинопередвижек и 1 стаци-

онарное кино. А на первое октября 1926 г. в столице Бурятии было уже два кинотеатра — «Эрдэм» и «Арс», где демонстрировались не только отечественные картины «классового» содержания, такие как «Броненосец Потемкин», «Красные дьяволята», «Падение династии Романовых», «Избушка на Байкале», «Алкоголь, труд и здоровье», но и зарубежные фильмы — «Привидение» с участием Дороти Гиш, «Буря в долине» с Луизой Вильсон... Помимо кинопоказа, в 1925–1926 г. была предпринята попытка собственного кинопроизводства. Были засняты Бурятская кавалерийская школа и бурятский религиозный праздник «Цам». В 1927 г. начал свою профессиональную деятельность первый в г. Верхнеудинске стационарный театр [2, с. 458].

Горожане в ранней степени стремились в театр и кинематограф, которые на протяжении 1920-х гг. все более превращались в одно из мощных идеологических орудий партии, имеющих целью воспитание нового человека. В 1925 г. из шести кинокартин, демонстрируемых в Верхнеудинске, две — «Евдокия Рожновская» и «Бабий лог» были посвящены женскому быту и призывали к «освобождению из оков невежества» [5, л. 26].

Художественная самодеятельность оживлялась и получала размах во время подготовки к революционным праздникам — 1 мая, 7 ноября, 8 марта, годовщине образования республики, а также к съезду Советов трудящихся. Особенно активно выступали самодеятельные коллективы рабочих. Так, в первой половине 1924 г. в клубе Верхнеудинского стекольного завода с большим подъемом работали литературный, драматический, музыкальный, хоровой, шахматный и другие кружки. Ими было поставлено 11 спектаклей, 2 музыкальных концерта, 20 номеров «живого» журнала, выпущено 9 номеров стенной газеты. Если репертуар клубных драматических и других художественных коллективов приносил на сцену черты дореволюционного быта, то это считалось мелкобуржуазным вкусом, а репертуар — не отвечающим целям и задачам идейно-художественного просвещения.

В 1925–1928 г. под влиянием развернувшегося в стране общественного театрального движения «синеглазников» и «краснорубашечников» в республике возникли и работали комсомольские клубные самодеятельные художественные кружки-отряды. Ими руководили С. Красильников и А.Л. Римлянд. Основной площадкой их выступлений в Верхнеудинске была сцена юношеского клуба «Октябрьской революции». На их репертуар и характер деятельности определяющее влияние оказывали приезжие группы «Синей блузы». Как правило, программа выступлений как гастролировавших, так и местных коллективов отличалась политическим и агитационным окрасом.

Следует отметить, что на театры, кино и художественную самодеятельность в новых социально-политических условиях были возложены

не столько развлекательные и эстетические функции, сколько пропагандистские, отвечавшие идеологическим установкам власти.

Затраты на досуг составляли невысокую долю в бюджете горожан — 3,5 % (у рабочих этот вид расходов был всего 1,9 %, у служащих — 5,1 % [3, д. 28, л. 9]), что объясняется, первоочередной необходимостью удовлетворения насущных материальных потребностей, а также возможностью бесплатного посещения культурно-просветительных мероприятий.

Становлению нового образа жизни способствовала активно развивающаяся на протяжении 1920-х гг. борьба с религиозным сознанием населения путем его атеистического воспитания. Наступление на религию велось путем внедрения на место церковных обрядов новых советских традиций, основанных на революционных ценностях и идеалах: празднование дня рождения вместо именин, наречение новорожденных не по святам, а новыми именами, символизирующими революционные события и идеи: Октябрин, Рэм (Революция, электрификация, мир), Нинель (Ленин наоборот), Владлен и др. [8, с. 66].

Таким образом, в 1920-е гг. в столице молодой республики происходили значительные изменения. Придя к власти, большевики стремились к построению нового общества, пытались привить новые формы культуры и быта. Началась решительная ломка привычного образа жизни, разрушение традиционного уклада, модернизация городского пространства. Однако в социокультурной среде и в повседневной жизни верхнеудинцев черты нового и старого постоянно сталкивались и сочетались, а сам Верхнеудинск, несмотря на статус столицы республики, сохранял пограничные между городом и деревней черты.

Список использованной литературы и источников

1. Бехтерева Л. Н. Модернизация социокультурного пространства города в эпоху нэпа / Л. Н. Бехтерева // Традиции и инновации в истории и культуре. — М., 2015. — С. 185–194.
2. Бурятия в цифрах: стат.-экон. справочник. 1927–1930 гг. — Верхнеудинск : Госплан БМАССР, 1931. — 508 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. Р-196. — Оп. 13.
4. ГАРБ. — Ф. Р-196. — Оп. 14. — Д. 308.
5. ГАРБ. — Ф. Р-251. — Оп. 1. — Д. 21.
6. ГАРБ. — Ф. Р-665. — Оп. 1.
7. Зверьков С. Характеристика городской недвижимости, нового строительства, жилищных условий и квартирной платы в БМАССР / С. Зверьков // Жизнь Бурятии. — 1928. — № 7-9. — С. 36–51.
8. Иминохов А. М. Проблема досуга и формирование нового быта горожан Верхнеудинска. Улан-Удэ в 1920–1930-е гг. / А. М. Иминохов // Гуманитарные науки в Сибири. — 2009. — № 2. — С. 64–67.
9. Козьмин Н. Н. Основы капитального строительства Бурятии / Н. Н. Козьмин. — Верхнеудинск, 1926. — 144 с.
10. Материалы по статистике Бурятии. — Вып. II. — Верхнеудинск, 1931.

11. Материалы по статистике Бурятии. — Вып. III. — Верхнеудинск, 1929.
12. Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ / Л. К. Минерт. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1983. — 248 с.
13. Социалистическое строительство Бурятии за десять лет. — Верхнеудинск, 1933. — 149 с.

Информация об авторе

Плеханова Анна Максимовна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

Author

Anna M. Plekhanova — Doctor habil. (History), Associate Professor, Leading Scientific Researcher of the Department of History, Ethnology and Sociology of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova str., 670047, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: plehanova.am@mail.ru.

УДК 93 23:338 45:622.3(571.122)
ББК 63.3(253.3)+33,365

А.И. ПРИЩЕПА

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОТКРЫТИЯ НЕФТИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье представлены некоторые дискуссионные вопросы дискурсивной практики открытия и промышленного освоения Западносибирской нефтегазовой провинции. Отмечаются существенные различия в историческом нарративе прибытия экспедиции Ф.К. Салманова в Сургут, создании нефтепромыслового управления, приоритете промышленной добычи нефти.

Ключевые слова: историография, месторождение, нефтяная провинция, геологоразведочная экспедиция, нефтепроизводственное управление, промышленное освоение, нефтеперерабатывающий завод.

A.I. PRISCHEPA

SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF THE DISCOVERY OF OIL IN WESTERN SIBERIA

The article presents some controversial issues of discursive practice lighting opening and industrial development of the West Siberian oil and gas province. There are marked differences in the historical narrative of the arrival of the expedition of F.K. Salmanov in Surgut, the establishment of oilfield management, the priority of oil production.